

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК [947.084.8-058.244]:330.59(470.22)"1944-1950"

**Материально-бытовое положение послевоенной колхозной
деревни. Конец 1944-1950 гг.
(на материалах Карело-Финской ССР)***

Вавулинская Л.И.¹

Аннотация

На основе материалов местных архивов рассматриваются вопросы восстановления и строительства жилья в колхозах, организации снабжения сельского населения продовольственными и промышленными товарами, медицинского обслуживания. Показана помощь государства в восстановлении колхозов. Анализируется тяжелое материальное положение колхозников, прикрепленных к колхозам при помощи паспортной системы, не имевших гарантированного пенсионного обеспечения, выплат и льгот, которыми пользовались другие категории населения. Более того, особенностью карельских колхозов являлось массовое привлечение колхозников на лесозаготовки. В результате аграрной политики государства понизилась заинтересованность крестьян в развитии сельского хозяйства, усилилось их бегство из колхозов.

Ключевые слова: колхозное крестьянство, снабжение сельского населения, денежная реформа 1947 г., уровень жизни.

**Material and social situation of the post-war collective farms.
The end of 1944-1950 (on materials of the Karelo-Finnish SSR)**

Vavulinskaia L.I.¹

Abstract

On the basis of local archives addresses the rehabilitation and construction of housing in the collective farms, supply of rural population by food and manufactured goods, medical services. Shows the state aid in the restoration of collective farms. Analyzes the difficult financial situation of farmers, attached to the collective farms through the passport system, did not have guaranteed pensions, benefits and privileges enjoyed by other categories of the population. Moreover, the feature of the karelian collective farms was the massive involvement at logging. As a result of the agrarian policy of the State diminished the interest of farmers in agricultural development, intensified their escape from farms.

Keywords: collective-farm peasantry, the supply of the rural population, monetary reform of 1947, the standard of living.

¹Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, ул. Пушкинская, 11, 185910, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация. Senior researcher, Candidate of Science (History). Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science, Pushkinskaia str., 11, 185910 Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation.

E-mail: ludvav@mail.ru

© Л.И. Вавулинская

*Статья публикуется впервые. Она подготовлена на основе новых, выявленных в местных архивах документах (фонды Центрального комитета Коммунистической партии Карело-Финской ССР КГАНИ (ф. 8) и НА РК (ф. П-8); фонд Совнаркома Карело-Финской ССР НА РК (P-1394); фонд Статистического управления Карело-Финской ССР НА РК (P-1411); фонд Прокуратуры Карело-Финской ССР НА РК (P-1604); фонд Наркомата лесной промышленности Карело-Финской ССР НА РК (P-2716); фонд Министерства здравоохранения Карело-Финской ССР НА РК (P-2796)), не вошедших в монографию автора, опубликованную в 2010 г. (Колхозное крестьянство и

государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах Карелии). Петрозаводск, 2010).

30 сентября 1944 г. территория Карелии была полностью освобождена от фашистских захватчиков. Сельское хозяйство республики понесло за годы войны огромные потери, которые, усугублялись продолжавшимся неэквивалентным обменом между городом и деревней, жесткой налоговой политикой, обязанностью колхозов по поставке рабочей силы на лесозаготовки. Тем не менее, пятилетним планом развития народного хозяйства республики на 1946-1950 гг. были поставлены задачи: не только восстановить довоенные размеры посевных площадей и поголовье скота, но и превысить довоенный объем производства на 70%.

В наиболее тяжелом положении оказались эвакуированные колхозники, вернувшиеся в родные места. Правительство республики оказало им посильную помощь. Так, распоряжением Совнаркома Карело-Финской ССР (КФССР) от 6 ноября 1944 г. предусматривалось открыть с 15 ноября 1944 г. для детей эвакуированных колхозников Заонежского района, не имевших своего хлеба, детские сады в Кузарандском и Вырозерском сельсоветах на 100 человек, увеличив общий контингент детских садов по району со 170 до 270 человек и обеспечив их снабжением продуктами за счет государственных фондов до урожая 1945 года. Был увеличен лимит детского диетического питания по району со 100 до 300 пайков, возросло количество больничных коек с 40 до 70, населению района, освобожденному из финских концлагерей, а также эвакуированному финнами с места жительства в другие населенные пункты, разрешено было выдавать единовременное пособие по 1000 руб. на семью и т. д. [5, Оп. 1. Д. 1105. Л. 37-38].

Учитывая тяжелое положение колхозов, правительство освободило часть хозяйств от уплаты ряда налогов. Постановлением Совета Министров КФССР от 25 октября 1946 г. от уплаты сельскохозяйственного налога за 1946 г. были освобождены 444 хозяйства на сумму 69 005 руб. 62 коп., еще 55 хозяйств – от уплаты сельхозналога на сумму 12 449 руб. 69 коп. и 74 колхоза освобождены от уплаты подоходного налога на сумму 57 997 руб. 85 коп. [6, Оп. 6. Д. 18/96. Л. 181].

В письме председателя Совнаркома республики П. Прокконена в Президиум Центросоюза СССР и РСФСР

подчеркивалось: «С мая по ноябрь 1945 г. в Карело-Финскую ССР реэвакуировалось свыше 40 тыс. колхозного населения...Реэвакуированное население находится в исключительно тяжелом положении. Прибывая на места прежнего места жительства, оно в лучшем случае находит лишь полуразрушенные избы, а нередко полностью выжженные селения. Полностью отсутствует бытовой и производственный инвентарь, инструменты, сбруя для лошадей, лампы и т.д. В связи со слабо развитой местной промышленностью и промкооперацией отсутствуют крайне необходимые товары бытового и производственного характера...» [6, Оп. 6. Д. 107/812. Л. 315].

Возвращавшиеся в Карелию реэвакуированные колхозники столкнулись и с трудностями другого рода, связанными с нежеланием ряда руководителей предприятий и организаций отпустить их на прежнее место жительства. Колхозников, выезжавших с семьями без оформления расчета, предавали суду с осуждением к разным срокам тюремного заключения. Так, в мае 1945 г. в свой колхоз в Ребольском районе приехала с семьей из 6 нетрудоспособных. 18-летняя комсомолка Т. Пабуева, которая после возвращения из Кировской области временно, до освобождения района, работала в Сумском леспромхозе Беломорского района, по решению Беломорского суда она была приговорена к тюремному заключению. И таких случаев было много [2, Оп. 15. Д. 517. Л. 82].

Жителей послевоенной деревни больше всего волновали вопросы устройства быта:

- Будет ли правительство помогать строить дома колхозникам, которые вернулись из эвакуации и их дома сгорели?

- Где можно получить материал для индивидуального строительства?

- Когда будет возвращен скот колхозникам, которые сдали в начале войны своих коров государству?

- Почему не всем реэвакуированным колхозникам дают пособие по 1 тысяче руб.?

- Почему плохо снабжают колхозников обувью и промтоварами? [5, Оп. 1. Д. 1463. Л. 70, 73, 74; Д. 1546. Л. 3].

Восстановительные работы на селе начались по мере освобождения временно оккупированной территории

республики. За время войны здесь было разрушено более 7 тысяч колхозных домов [6, Оп. 7. Д. 284. Л. 60]. Остро ощущался недостаток больниц, предприятий сферы общественных услуг, торговли.

Строительство жилья на селе велось в основном не силами колхозов, а самими колхозниками с денежной и материальной помощью государства. Ни в одном из колхозов республики не было постоянной строительной бригады. К концу послевоенной пятилетки колхозники восстановили и построили вновь свыше 2 тысяч жилых домов [3]. Однако из-за нехватки средств и кадров строителей планы жилищного, коммунального и культурного строительства на селе регулярно не выполнялись. Так, план строительства жилых домов в колхозах в 1949 г. был выполнен только на 40,3%. Вместо 12 запланированных было построено лишь 5 колхозных клубов (41,6% к плану), не построено ни одного детского учреждения [5, Оп. 1. Д. 4443. Л. 6].

Застройка сел велась в основном без плана. В 1950 г. лишь до 20 колхозов имели генеральные планы или схемы планировки сел. Благоустройство сельского жилья значительно уступало городскому, во многих домах не было даже электричества. В 1950 г. из 44 колхозов Кондопожского района радиоточки имелись только в двух, частично электрифицированы были 3 колхоза, сельское население обслуживали 38 торговых точек, из них 34 в колхозах, в 17 колхозах не было кинообслуживания, связь с отдаленными сельсоветами была затруднена, а на ремонт дорог в 1950 г. было отпущено только 30 тысяч рублей из 210 тысяч, запланированных в бюджете [5, Оп. 1. Д. 4443. Л. 5, 15; Д. 4459. Л. 8-10].

Другой жилищной проблемой на селе являлась передача части жилого фонда колхозов для временного размещения прибывших в конце 1940-х гг. на работу в лесную промышленность республики переселенцев. В связи с этим бюро ЦК КП(б) Карело-Финской ССР 28 декабря 1950 г. приняло постановление освободить до 1 июля 1951 г. жилой фонд колхозов и разместить переселенцев в собственный жилой фонд предприятий Министерства лесной и бумажной промышленности КФССР [9, Оп. 17. Д. 7/51. Л. 12].

Большие трудности жители колхозных сел испытывали в снабжении продовольственными и промышленными товарами.

В справке инструктора отдела торговли ЦК КП(б) в ЦК Компартии республики от 11 июля 1945 г. сообщалось: «В Шелтозерском районе население систематически по 3-5 дней не снабжается ни хлебом, ни мукой. В дер. Хюрсюля Сортавальского района прибывшие реэвакуированные колхозники в количестве до 200 человек с 8 по 15 июня находились без хлеба из-за бывшего председателя райпотребсоюза, который не знал, как прикрепить их к магазину. Многие колхозники Колодозерского куста Пудожского района по несколько месяцев не получали соли – возникла спекуляция: 1 кг соли обменивали на другие продукты стоимостью 250-300 руб. килограмм...» [5, Оп. 1. Д. 1774. Л. 35-36].

Журналист В. Лукьянов в книге «Трагическое Заонежье» вспоминает: «Люди пахали в буквальном смысле от зари до зари. В первое послевоенное лето запасались грибами, клюквой, брусникой. Зерна практически не было ни у кого. Довоенные тайники с хлебом сгнили. Искали в огородах и полях гнилую картошку. Из нее получались неплохие оладьи, мне они очень нравились. Заготавливали мы щавель, полевой хвощ. Наши матери и бабушки из них что-то готовили. Мешали кору деревьев, пекли какие-то хлеба на лопуховых листьях, называли их «овсяники» [4, С. 112-113].

На колхозников, в отличие от рабочих и служащих, не распространялись продовольственные карточки, гарантировавшие хотя бы минимум жизненно важных продуктов питания, поэтому в отношении крестьянства были приняты жесткие меры. 7 сентября 1945 г. правительство Карелии запретило райисполкомам снабжать колхозников хлебом из государственных фондов, за исключением вернувшихся из эвакуации членов колхозов, которые не имели заработанных трудодней. В постановлении Совнаркома республики по этому вопросу говорилось, что «многие колхозы снабжают значительное количество населения, возвратившегося из эвакуации, хлебом из государственных фондов. В результате они не спешат со сдачей хлеба государству» [6, Оп. 7. Д. 37/266. Л. 1].

Ситуация на продовольственном рынке еще больше обострилась в конце 1946 г. вследствие голода, поразившего страну в связи с длительной засухой. В соответствии с решениями Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об экономии в расходовании хлеба с 1 октября 1946 г. были сокращены с

80 600 до 40 500 человек контингенты, снабжавшиеся пайковым хлебом в сельской местности Карело-Финской ССР [5, Оп. 1. Д. 2434. Л. 6]. В их число попало все реэвакуированное колхозное население.

В информационной записке заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР Г. Кузнецова секретарю ЦК КП(б) КФССР Г.И. Серову о настроениях трудящихся в связи с сообщением правительства от 27 сентября 1946 г. «Об экономии в расходовании хлеба» сообщалось: «...В течение лета в республику возвратились в порядке реэвакуации 24 975 человек колхозников. Эти колхозники не успели посеять огороды, имеют очень мало трудодней в колхозах и сейчас, после снятия урожая, на трудодни ничего не получают. Снятие со снабжения хлебом этих колхозников вызвало недовольство у отдельных из них. Овчинникова, колхозница Кондопожского района, имеющая двух детей, муж погиб на фронте, - заявила: «Раз Советская власть не может прокормить детей, я сведу их в райцентр, сдам властям и пусть кормят. Я кормить их не могу, так как самой в колхозе ничего не причитается». Фарафонтова, колхозница колхоза «Красный путиловец» этого же района, выражая недовольство снятием ее со снабжения хлебом, заявила: «В колхозе на трудодень ничего не получили, ждали хорошей жизни, а теперь мне с четырьмя детьми придется помирать с голоду» [5, Оп. 1. Д. 2072. Л. 90].

Попыткой переломить ситуацию со снабжением продовольствием, оздоровить финансовую систему явилась денежная реформа 1947 года. Была отменена карточная система, введены единые цены на продовольственные и промышленные товары, которые были ниже коммерческих, но в 3,2 раза выше прежних государственных цен. Однако реформа не смогла ликвидировать острый дефицит продуктов, ряда промышленных товаров. Нередкими были перебои в торговле такими товарами, как соль, спички, керосин. В сельских районах наблюдался большой спрос на обувь, трикотажные изделия и шерстяные товары, на булочные изделия, чай, сахар, конфеты и крупу. Из-за постоянной нехватки товаров в Олонецком, Куркиекском, Питкярантском райпотребсоюзах, 70% сельпо являлись убыточными [5, Оп. 1. Д. 3381. Л. 68]

Неудовлетворительно обстояло дело в сельской местности с пошивом и ремонтом одежды, обуви, бытовых

приборов. До начала 1960-х гг. здесь практически не была создана сеть предприятий обслуживания, и жители были вынуждены ехать за десятки и сотни километров в районные центры или Петрозаводск, чтобы сфотографироваться, починить бытовые приборы.

Деревня существенно уступала городу по количеству учреждений здравоохранения и качеству медицинского обслуживания. В условиях северного края с обширными малонаселенными районами неотъемлемой составной частью здравоохранения на селе являлись фельдшерско-акушерские пункты. В 1949 году в сельской местности республики насчитывалось 62 врачебных амбулатории и 250 фельдшерско-акушерских пунктов вместо 31 амбулатории и 132 фельдшерско-акушерских пунктов в конце 1944 г. [10, Оп. 3. Д. 31/212. Л. 92; 5, Оп. 1. Д. 1098. Л. 9]. Однако многие из них не имели необходимого медицинского оборудования. Остро ощущался недостаток врачей, среднего медицинского персонала.

Большинство врачей на селе являлись врачами общей практики. Осенью 1947 года в лечебных учреждениях, обслуживающих сельское население республики, недоставало 41 врача, во многих больницах должности врачей замещались фельдшерами [5, Оп. 1. Д. 2466. Л. 3]. В больницах было мало медикаментов, особенно сульфамидных препаратов, глюкозы, пенициллина, препаратов кальция, перевязочных материалов и др. Многие сельские медицинские учреждения не имели автотранспорта для доставки больных и выездов медицинских работников для оказания помощи по месту жительства. Колхозницы часто рожали дома без оказания медицинской помощи. Количество таких родов за первое полугодие 1945 г. по республике составило 50%, причем в городах и рабочих поселках – 33%, а в сельской местности – 67% [5, Оп. 1. Д. 1462. Л. 115].

В районах была слабо развита специализированная медицинская помощь, не хватало помещений для размещения больных. Так, в Челмужской сельской больнице Медвежьегорского района имелась всего одна палата на 9 коек и родильная палата с одной койкой. В общей палате 22 августа 1947 г. находились двое мужчин и три женщины [5, Оп. 1. Д. 2466. Л. 7].

Женщины-колхозницы испытывали большие трудности с устройством детей в детские сады и ясли. В январе 1945 г. в

колхозных семьях насчитывалось 10 218 детей до 8 лет, однако в колхозах имелись только 21 ясли на 353 места и не было ни одного детского сада [7, Оп. 8. Д. 97. Л. 64]. Планы строительства детских дошкольных учреждений на селе ежегодно не выполнялись, что объяснялось как недостатком средств и кадров строителей, так и отдаленностью и разбросанностью сельских поселений. Даже спустя 7 лет после окончания войны в Тунгудском районе детские учреждения работали только в 3 колхозах из 13 имевшихся. Как указывалось в одном из отчетов о работе колхозов республики, в колхозах «Новый быт» Куркиекского района, «Новая жизнь» и «Советский труд» Суоярвского района и ряде других по причине отсутствия детских учреждений от 5 до 10 трудоспособных женщин не вырабатывали установленный правительством минимум трудовой [6, Оп. 3. Д. 314/1523. Л. 78].

Материальное положение колхозов после войны оставалось крайне тяжелым. У них изымалась подавляющая часть продукции через различные каналы: обязательные заготовки, натуральные платежи МТС и др. Доля налогов, страховых платежей и сборов в общей сумме расходов и отчислений колхозов к 1950 г. достигла своего максимума – 20%. Ежегодная выдача на трудодень по сельскохозяйственным колхозам республики составляла в денежном выражении от 35 до 85 коп., зерном - от 0,5 до 1,3 кг. Другие продукты, как правило, не выдавались или в ограниченном количестве выделялись картофель и овощи [1, С. 718].

В исполкомы районных советов поступало большое количество жалоб и заявлений колхозников и единоличников с просьбой об освобождении хозяйств от поставок государству молока и мяса, от сельскохозяйственного налога. Только в первом квартале 1948 года по 27 районам республики поступило 989 заявлений об освобождении хозяйств от налогов и госпоставок [6, Оп. 6. Д. 164/881. Л. 64].

В конце 1940-х гг. в связи с передачей Министерству торговли городской кооперативной торговли положение колхозов еще более ухудшилось. Постановлением Совета Министров КФССР от 24 августа 1949 г. были вдвое уменьшены действовавшие закупочные цены на сельскохозяйственные продукты, закупаемые у колхозов и крестьян, отменена закупка сельхозпродуктов по ценам, складывавшимся на рынке [6, Оп. 6. Д. 222/1117. Л. 97].

Тяжелое материальное положение колхозного населения усугублялось политикой государственных займов, которая в послевоенные годы приняла фактически принудительный характер, а также массовым привлечением на лесозаготовительные работы. Циркуляром прокурора КФССР районным прокурорам от 18 октября 1947 г. предписывалось лиц, виновных в уклонении от трудовой и гужевой повинности или не выполнивших задания по лесозаготовкам, а также должностных лиц колхозных и лесозаготовительных организаций, виновных в срыве мероприятий по проведению трудгужповинности, привлекать к уголовной ответственности. Дела об уклонении от лесозаготовок или невыполнении заданий должны были рассматриваться в народном суде не позднее трех суток со дня поступления, а дела о должностных преступлениях – в срок до 5 дней [8, Оп. 1. Д. 5/47. Л. 24]. При этом норма выработки, установленная на колхозника республики, была в 3-4 раза выше, чем в соседних Вологодской, Архангельской, Ленинградской и Кировской областях, имевших аналогичные условия работы в лесу. В 1947 г. на сплав было привлечено 1300 колхозников, а на 1948 г. требовалось мобилизовать уже 5725 человек. Разрыв между потребностью рабочей силы для сельскохозяйственных работ и наличием трудовых ресурсов в колхозах составил 13,3 тыс. человек. В довоенном 1940 г., когда численность колхозного населения в республике была в два раза больше, чем в 1947 г., на лесосплав привлекалось максимум 3 тыс. колхозников [2, Оп. 19. Д. 224. Л. 21-23].

Все это вызывало бегство крестьян из деревни, чему способствовало и постановление Совета Министров СССР от 1 марта 1948 г. «О мероприятиях по подготовке и проведению лесосплава в навигацию 1948 года», которое запрещало райисполкомам, сельсоветам и правлениям колхозов препятствовать переходу колхозников на постоянную работу в лесозаготовительные организации. В 1949 году из колхозов Карелии ушли в постоянные кадры лесной промышленности 1200 колхозников, причем в ряде колхозов эта цифра составляла 50-60% всех колхозников (колхозы «Первая пятилетка» и имени Жданова Ведлозерского района, «Дружба» Пудожского района, «Путь к коммуне» Петровского района и др.) [2, Оп. 19. Д. 224. Л. 29].

Основным источником средств существования крестьянской семьи являлось приусадебное хозяйство, которое

обеспечивало колхозников основными продуктами питания: картофелем, мясом, молоком, овощами. В то же время двойная занятость трудоспособного сельского населения – в общественном и личном подсобном хозяйстве – обуславливала большую, чем в городе, продолжительность совокупного рабочего времени.

Помощь одиноким старикам и инвалидам, колхозникам, пострадавшим от стихийных бедствий, временно впадшим в нужду или временно потерявшим трудоспособность, а также сиротам, женщинам по беременности и родам, оказывали созданные в колхозах республики кассы общественной взаимопомощи. В 1948 году кассами на оказание помощи колхозникам – членам касс – по болезни было израсходовано 7 957 руб., на оказание помощи семьям военнослужащих и погибших воинов – 24 891 руб., инвалидам Великой отечественной войны – 15 340 руб., престарелым членам колхозов – 4 460 руб. На оказание помощи в связи с родами, погребением было выделено 7 796 руб. [5, Оп. 1. Д. 3410. Л. 23]. Однако в слабых в экономическом отношении колхозах общественный фонд был невелик, а во многих хозяйствах не было возможности выплачивать даже пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца.

Таким образом, материально-бытовое положение колхозной деревни в первые послевоенные годы было крайне тяжелым. Налоговый пресс, нищенская оплата труда в колхозах, социальная незащищенность крестьянства дополнялись существенным отставанием деревни от города по торговому, бытовому, коммунальному, медицинскому обслуживанию. Деревня по-прежнему рассматривалась властью как источник материальных и трудовых ресурсов для подъема индустрии. У колхозников не было заинтересованности в повышении эффективности труда, что в конечном итоге привело к глубокому кризису сельского хозяйства.

Список литературы и источников

1. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Издательство Периодика, 2001. 944 с.
2. Карельский государственный архив новейшей истории (в настоящее время объединен с Национальным архивом Республики Карелия) (КГАНИ). Ф. 8.

3. Ленинская правда, 1960. 1 апреля
4. Лукьянов. В. Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004. 253 с.
5. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8.
6. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1394.
7. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1411.
8. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1604.
9. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-2716.
10. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-2796.

Рецензент – Е.В. Дианова, кандидат исторических наук, доцент, доцент Петрозаводского государственного университета